

Звонок продолжился.

Включив наушники, я увеличил звук и сразу же услышал послеобеденную сериальную драму о семейной любви и ненависти - шокирующе громкая ссора. Мать, смотревшая с любовью только на сына, кричала на дочь, а та, издевавшаяся над младшим братом, извинялась за свои грехи. Но через десять минут они, вроде бы, успокоились. И я повесил трубку, благодаря судьбу за то, что мать Масаи всё же не покончила с собой.

Я не хотел больше боли в его доме. Он много ворчал по поводу членов семьи, но, тем не менее, очень любил их.

Поэтому изначально я назначил встречу в этом парке, так как хотел быть уверенным, что дочь немедленно вернётся, чтобы спасти свою мать.

Подняв банку, обронённую Канаэ, я повернулся, чтобы уйти. В шесть вечера в конце декабря небо уже начинало темнеть.

Но зазвонил телефон. Со мной хотела поговорить мать Масаи.

– На что ты надеешься?.. – сразу же спросила она.

– Хочу, чтобы вы мне кое-что пообещали. Это поможет избежать других жертв. Больше никто не закончит как ваш сын.

Я искренне желал, чтобы они снова были счастливы, и для этого нужно было исполнить следующий пункт моего плана.

– Теперь все кусочки головоломки на своём месте. Осталось лишь решиться.

– Ты всё это спланировал? – громко спросила Канаэ.

Нет, это было не так. Если бы не богиня удачи, я, вероятно, не смог бы завершить свой план. Сколько бы я ни говорил, но мне, одиночке, никто не поверил бы. Однако чтобы убедить мать Масаи, мне понадобилась помощь её дочери. У них были прохладные отношения, но правда о взаимоотношениях её детей и последствиях её собственного жёсткого воспитания точно потрясли женщину.

– Будьте счастливы, – пробормотал я.

Пришло время отправиться к окончательной точке - во вторую среднюю школу Кузегавы.

Обычно до неё я добирался на автобусе, так как пешая прогулка занимала около часа. Но в этот раз пошёл так, а по дороге ещё заскочил домой, чтобы подготовиться.

Я не знал, когда в следующий раз пройду этим путём, и будет ли у меня вообще этот «следующий раз».

Как-то мы разговаривали с Масай. На первом году обучения, в феврале.

– Моя семья лучше твоей, но немного извращённая... – вдруг мрачно сказал он мне, сидя у окна в автобусе и глядя на мелькающие виды.

Я сидел рядом с ним, обхватив сумку, стоявшую у меня на коленях.

– Извращённая?

– Да. У нас всё как-то странно закрутилось. Мама вдруг без предупреждения заговорила об оценках и колледже. А сестра стала издеваться надо мной во время своих возвращений домой. Она завидует мне, это отвратительно.

– Потому что ты гений?

– Похоже, причина в том, что её бросил парень во время учёбы. А тут как раз у меня появилась девушка. Вот она и начала раздражаться.

– Масая, правда, что твоя сестра красивая? Говорят, она популярна.

– Может быть.

– Позволь мне заняться с ней сексом.

– Не говори мне таких вещей. Я всё же её брат.

– Хочешь, чтобы я поговорил с тобой на эту тему, когда стану тебе зятем?

– Чего это ты удумал?! Жениться на моей сестре?!

– Сегодня ты очень мрачный.

Масая ненадолго замолчал, но через пару секунд заговорил, и на оконном стекле появился конденсат:

– Помнишь Котоми Исикаву?

Неожиданно было услышать это имя. Конечно, я помнил.

– Я хотел спасти её... Но не смог.

– Не называй это провалом. Ты всё правильно сделал, – опроверг мой ответ Масая.

Я поблагодарил его за утешение и спросил, почему он вдруг упомянул её.

– Котоми всё ещё боится за результаты теста личностных качеств, да и за другие оценки. И она слишком зависит от меня.

– Вот как, – вяло ответил я. – Те придирки действительно настолько шокировали её?

– Похоже на то, – кивнул парень и вздохнул. – Но в последнее время я начинаю понимать чувства Котоми, – с лёгкой меланхолией продолжил он. – Сейчас все называют меня героем, но люди легко меняют своё мнение. Те девушки, которые завидовали Исикаве, начали хорошо к ней относиться после того, как у нас с ней завязались отношения. Я даже испугался, когда понял это. Но интереснее всего то, что однажды и мои друзья могут так предать меня.

– Ну... такая вероятность есть.

– Ага. Поэтому я начал чувствовать себя некомфортно в отношениях с людьми. И это раздражает... В сердце Котоми всё ещё есть шрамы... И я тоже «побит», хотя должен защищать её.

– Понятно... Я хочу помочь ей, – ответил я не подумав, застёгивая сумку, а подняв глаза, увидел, как парень покраснел от моих слов.

Масая засунул руки в карманы брюк и посмотрел на меня.

– Тебе она нравится, не так ли?

Чего и следовало ожидать - он немедленно всё понял. Хотя, может быть, мои мысли были написаны у меня на лице.

– Не до такой степени, – усмехнулся я, пытаюсь избежать приближающегося конфликта. – Я действительно восхищаюсь ею, но расслабься, я не какой-то отброс, который будет пытаться отбивать девушку друга.

– Это и невозможно, иначе я просто прикончу тебя. Но ты сказал, что хочешь помочь ей, верно? – серьёзно уточнил он. – Это правда? Однажды ты уже потерпел неудачу, но ты... ты не боишься?

– Ты же сам сказал не относиться к этому как к провалу. Но, честно говоря, мне страшно. Я не хотел, чтобы всё закончилось столь плачевно. У меня и так была ухабистая жизнь. Не хочу снова страдать.

– Я так и предполагал...

– Но... если она действительно будет расстроена, а ты в этот момент бессилен, то просто скажи мне. Я обязательно защищу Исикаву.

Масая усмехнулся:

– В этом весь ты.

– Не завидуй. С тем же успехом я мог бы прийти на помощь и тебе, Масая. Побить одноклассников и даже преподать урок твоей семье.

– Это ты сейчас так говоришь.

– Не веришь? Зря. Но, Масая, когда у меня будут проблемы, помоги мне тоже. Знаешь же... у меня также не всё гладко в семье.

Он кивнул, явно вновь подобрев:

– Положись на меня. Независимо от того, буду ли я арестован или гоним, но обязательно помогу. Я же гениальный мальчик. Ты даже можешь вытатуировать слова «У Таку есть Масая». Будет мило.

– Не хочу... Ты порой любишь вести себя жёстко. Скажи, ты стал моим близким другом, потому что нас объединили извращённые семьи?

– Да. Но теперь мы хорошие друзья. Союзники, – покраснев, ответил он, а затем протянул мне кулак. – Такие, как мы, должны помогать друг другу. У нас альянс «ТакуМаса».

«Странное название», - подумал я, но не стал высказываться против.

– Хорошо, – я ударил своим кулаком об его.

Я помнил о том альянсе и, видимо, Масая тоже. Он оставил мне два завещания. Одно было адресовано СМИ и обществу в целом с заголовком обо мне как о дьяволе. Другое же оказалось в моём шкафчике для обуви за день до его самоубийства. Единственное проникновенное письмо, полученное мною в жизни. Одно слово, написанное на печатной бумаге каллиграфическим почерком: «Предатель».

И думаю, он был прав. Ведь я не смог спасти его. Мы никогда бы уже не смогли пойти домой вместе или вернуться к дням бесконечных бесед. Благодаря тому посланию я уяснил это отчётливо.

Но мы оба это заслужили. Масая издевался надо мной и печальным образом покончил с собой. У меня же была нелепая цель, и я отчаянно боролся. Оба виноваты. Однако мне, похоже, повезло больше.

После смерти Масаи, даже несмотря на то, что моя репутация была разорвана в клочья, всё ещё оставалась девушка, ожидающая, что я подарю ей счастье.

По крайней мере, сейчас я мог выполнить половину того, что пообещал Масае.

Долгая революция приближалась к финалу. Она создала большой резонанс, чем я ожидал. Вся Япония теперь проклинала меня, и об этом писали иностранные СМИ. Весь мир стал мне врагом. Всё человечество желало мне смерти.

В Твиттере, газетах, Ютубе, развлекательных журналах, телевидении, Фейсбуке, Лайне, Гугле, письмах, интернет-подкастах, зарубежных новостях, в классах, автобусах и кафе на улицах. Все обсуждали меня.

Но пусть вокруг меня создастся образ плохого парня, я всё ещё преследовал достойные цели. Ради того, чтобы она снова могла улыбаться, я был готов попасть хоть в ад, и прямо сейчас собирался подарить ей счастье.

Я приходил во вторую среднюю школу Кузегавы в последние годы каждый день, но, возможно, это был первый раз, когда я появился на парковке. Проезжал мимо неё раньше, но, как правило, не обращал внимания.

Учебное время закончилось, и ни одного ученика не было видно. Парковочные места находились в задней части школьного комплекса. На площадке оказалась половина машин, и у меня появилось много мест, чтобы спрятаться.

Я уселся на стылый, зимний асфальт, и, не обращая внимания на дискомфорт в пятой точке, скрылся в темноте, ожидая появления моей цели.

Несколько вялых учителей сели в свои авто, не заметив меня. Время шло, и моё сердце колотилось всё сильнее. Но я не должен был поддаваться волнению, ведь решение уже принято.

Вот Тогучи-сенсей направился к парковке, но он не был моей целью. Я не интересовался им, наверняка кто-нибудь и так его осудит. В Интернете уже появились комментарии с критикой в адрес классного руководителя. Зачем обвинять человека, который уже стал жалким?

Его машина отъехала. Пока-пока. Оставайтесь в безопасности.

К восьми часам большинство учителей уже разъехались, и осталось всего две машины. Оказывается, профессия учителя утомительна даже в государственных учреждениях. Один из оставшихся, должно быть, был рядовым сотрудником. Я точно знал лишь о том, кем был другой.

– Никогда не думал, что вы остаётесь до конца, – сказал я, едва появился директор Фудзимото.

Глаза мужчины слегка расширились, но он не выглядел особенно потрясённым.

– О, Сугавара. Зачем ты здесь?

Конечно, мы встретились не впервые. Уже виделись дважды: после инцидента с бутылкой воды и после новости о самоубийстве Масаи. Но почти не разговаривали напрямую, хоть и знали друг друга в лицо.

Я вынул нож и наставил острие на грудь директора. Нас разделяло всего пять метров.

– Решил меня убить? – задал новый вопрос Фудзимото, даже не пошевелившись. – Почему?

– Чтобы убрать тест личностных качеств. Нам он не нужен, – сразу ответил я. – Мы живём будто в кошмаре. СМИ уже разоблачают недостатки этой новой системы образования. И как только вы умрёте, эксперимент с тестом обязательно прикроют.

– Хочешь избавиться от теста? Так давай поговорим об этом. Зачем же применять насилие?

– Глядя на ваше отношение, любой школьник мог бы сказать, что вы не собираетесь идти на диалог в этом вопросе. Не будете ничего рассказывать обществу. Но ничего. Мать Кишитани сделает это за вас.

– О? – несколько удивился директор. – Утверждаешь, что убедил Акане Кишитани? Ты?

– Да. Я послал ей кошачью тушу, изо всех сил старался насмеяться над ней, давил на неё и заставил подчиниться. Единственное, не рассказал, как тяжело было набить ту тушку после того, как животное попало в аварию. Хоть и хотелось.

– Что ж, она на твоей стороне... Но всё сложнее.

– С вашей смертью станет легко.

Я держал нож двумя руками, чтобы не выронить своё оружие. Даже с моей плохой формой пока я вооружён – я смогу победить старика. Главное решиться и не ждать долго.

Подбадривая себя, я продолжил:

– Я просто хочу счастья. Не статус суперзвезды в школе, не дружбу со школьным кумиром. Всё, что мне нужно, – оставаться в углу класса, пока все могут смеяться. По этой причине я и начал революцию. Хотел положить конец издевательствам, уничтожить тест личностных качеств и ад, в который нас загнала гонка по выстраиванию отношений.

Нож в моих руках дрожал.

– Одного этого достаточно для меня.

– Но тут Масая Кишитани покончил с собой, – заметил директор.

Я крикнул:

– Да! Революция провалилась! Поэтому это мой последний гамбит. Я убью вас и положу конец тесту!

– Это не принесёт результата. В чём смысл? Даже если убьёшь меня, твой класс не вернётся к норме. Не станет таким, каким ты хотел бы его видеть.

– Это больше не ради меня, а для друга, боящегося теста личностных качеств.

Время убийства пришло. Я собрал все свои силы, направил нож в сердце директора, оттолкнулся ногой от земли и рванул вперёд изо всех сил.

Но мужчина тоже не стоял на месте. Он сделал шаг назад. Всего лишь шаг. Но я промахнулся.

Затем кто-то прыгнул на меня, скрутил и обездвижил. Правую руку прострелила пронзительная боль, заставившая меня выронить нож.

Напавший же поменял положение, прижимая моё тело к земле. Лицо оказалось прижато к ледяному асфальту.

– Таккун, хватит уже! – закричали мне в ухо надломанным из-за слёз голосом. – Всему есть предел!

Этим человеком оказалась Сайо.

– Ты тоже предаёшь меня?! – выкрикнул я. – Почему?! Почему никто не хочет быть на моей стороне?!

– Замолчи! Я была на твоей стороне всё это время! – прокричала она.

Я изо всех сил старался вырваться, но не мог освободиться. Меня превзошли и в силе, и в мастерстве.

Меж тем директор поднял нож кончиками пальцев и посмотрел на меня взглядом, полным отвращения.

– Она мне всё рассказала, поэтому я так долго колебался. Кроме того, мы заметили, как ты прятался на парковке, так что я заранее был наготове. Сугавара, ты совершил необдуманный шаг.

Я вывернул голову на Сайо, и она застенчиво произнесла:

– Извини.

Видимо, Канаэ рассказала ей всё, и девушка сообразила, что я могу напасть на директора. Возможно, у неё появилось плохое предчувствие из-за моих слов, что революция ещё не закончилась.

Если это так, то я действительно был неосторожен.

– Эй, Сугавара, чего ты добиваешься? – вновь заговорил со мной директор, присев рядом. – Тест личностных качеств это не какое-то бессмысленное незрелое увлечение. Одних академических тестов вскоре будет недостаточно, чтобы выжить в современном обществе.

– Вот как вы думаете об обществе? И собираетесь потворствовать? Праздновать эрозию академической истории? Не списывайте всё на общество не подумав!

– Ты не понимаешь.

– Вы вообще осознаёте чувства тех, кто оказался внизу по результатам? Помогали ли вы тем, над кем издевались? Вы ничего не делали! Не знали о боли Масаи, не видели слёз Исиавы! Всё говорите о теориях, ведёте себя так, будто единственный здравомыслящий в обществе! Вот поэтому я и должен уничтожить этот тест! Покончить со всем!!!

Я потерпел неудачу. В итоге вообще ничего не сумел.

Сайо ослабила хватку, ибо я больше не сопротивлялся. Да у меня и не было намерения сбегать. Я просто лежал на земле, удручённый.

Фудзимото велел девушке отпустить меня и произнёс:

– Не скажу, что не думал об этом. Я связывался с теми, кто занял низкое место в тесте личностных качеств, и попытался взаимодействовать с ними. Тест несовершенен, и мне нужно было услышать голоса учеников. Я не позволил бы им страдать.

Директор похлопал меня по щекам, вытирая пыль с лица.

В ошеломлении я уставился на него:

– Подождите, вы Соу?

– Да. Конечно, я осознавал растущее напряжение в общении с учащимися. И возлагал на тебя исключительные надежды. Однако ты остался на дне, продолжая жить как прежде. Я молился, чтобы ты всё осознал и смог доказать, что личность – это всего лишь один из факторов, формирующих человечество. Но ты совершенно поверхностен. В этом мире всё не делится лишь на добро и зло. Те, кого мы считаем хорошими, могут являться плохими с другой точки зрения, и наоборот. Ты должен был понимать это лучше, чем кто-либо другой, Таку Сугавара. Потакал ли ты своему чувству превосходства перед невежественными массами? Завидовал ли Масае вместе с одноклассниками, которые желают тебе смерти?

Такая пронзительность. Несомненно, передо мной был Соу. Слова директора пронзали меня в самое сердце.

– Что ж, по какой-то причине ты стал фанатиком, пожелавшим меня устранить, чтобы убрать тест личностных качеств. Размахивал тут этим ножом, не желая разговаривать, и игнорировал меня в интернет пространстве под ником Соу, хотя я присматривал за тобой, одиночкой. Абсолютно нелепо, поверхностно, глупо. Думаешь, ты мудрец? Разве не понял, что ты тоже глупец из массы?

– Замолчите... – только и смог слабо ответить я.

Он говорил совершенно правильно и от этого абсолютно жестоко.

– Ты всегда хвастался своей логикой, но даже после всего произошедшего всё ещё не понимаешь? Что произойдёт, если ты уничтожишь тест? Станут ли человеческие отношения легче? В современном обществе люди вынуждены полагаться на мнение других. Ты бы понял это, если бы немного подумал. Какой же глупец... Говори с окружающими, когда ты в беде.

Неужели я должен постоянно напоминать тебе об этом? Если бы ты обсудил всё с Соу, ничего бы не случилось.

– ...

Никто не замечал издевательств, и рядом со мной не было взрослых, с которыми можно было бы поговорить...

На самом деле у меня было много поводов для жалоб, но я не хотел о них рассказывать. Не хотел казаться жалким. Никогда не желал быть жалким ребёнком, критикующим взрослых. На этой решимости и держалась моя сила воли.

– Однако... – сказал директор, уже развернувшийся, чтобы уйти, – впечатлён тем, что ты собрался заставить эту дерзкую Акане Кишитани встать рядом с тобой. Но я сейчас буду немного занят, необходимо внести изменения в тест личностных качеств.

– ...

– Образование всегда сопровождается неудачами – жестокая реальность. Я сделал много кошмарных ошибок, но не сдаюсь из-за единичных случаев. Нужно учиться на опыте и продолжать двигаться дальше. Масая Кишитани, Таку Сугавара, спасибо за ваши ценные данные. Неуместно говорить об этом сейчас, но... хорошо поработали.

С самодовольным видом мужчина направился к своей машине.

«Хорошо поработали... Жестокая реальность...» - я не мог выбросить эти холодно выплюнутые слова из головы.

Со смертью Масаи ничего не изменилось, и мои усилия оказались напрасными.

– Могу ли... – неосознанно проговорил я, – получить хоть крупицу счастья?..

– Возможно, раз теперь ты всё знаешь, – заявил директор и, наконец, исчез из поля моего зрения.

На этой ледяной стоянке я изо всех сил старалась не заплакать.

Я сделал так много, и вот результат...

Плохой конец без искупления.

Итак, моя история подходит к концу.

Мелкая, жалкая революция, не так ли? Удивлены? Действительно паршиво.

Вы можете подумать, что всё было зря. Я не вырос. Самоубийство Масаи было бессмысленным. Никого это не озаботило, и история не имела значения. Революция провалилась, и я чуть не совершил убийство. Ещё довёл единственного друга до надгробной плиты. А моя первая любовь сильно пострадала, ведь я не смог избавиться от теста, которого она так боялась.

Трагический конец, так смейтесь же надо мной и не возлагайте больше надежд на мою историю.

Смейтесь за то, что я так поверхностен. Надо мной издевался друг, одноклассники желали моей смерти, вся Япония надеялась, что я покончу с собой, так что презирайте и вы. Это всё, что я хочу от вас.

Мораль этой истории такова: не говорите, что хотите быть таким, как я.

А так эта история вообще не важна - обычный мусор.

Бессмысленно обсуждать жизнь отброса. Уж я-то это хорошо знаю!

Правда, не понимаю, почему до сих пор рассказываю всё вам.

Эпилог

– Ты надеешься, что другие послушают, не так ли? – раздался голос Сайо.

Пока она не сказала этого, я вообще не замечал, что бормочу что-то. Как смущает. Я поспешно закрыл рот. С некоторых пор у меня появилась неловкая привычка «рассказывать истории», так я держался за мир, в котором трудно выжить и ладить с обществом.

Сайо улыбнулась. Мне совсем не понравился этот понимающий взгляд, но, к сожалению, у меня не было сил сопротивляться.

– Таккун, ты не можешь быть отбросом, для этого ты слишком любишь человечество, – сказала она. – В конце концов, ты не смог никого убить. Да и что за владение ножом? Даже если никто не будет двигаться, ты не сможешь правильно прицелиться.

– ...

– Разве я уже не говорила тебе? Положись на меня. Расскажи мне подробности своей истории.

– Зачем?.. – я всегда хотел спросить её об этом. – Сайо, ты на моей стороне?

Она подбадривала меня, помогала, познакомила с Канаэ, была рядом всё это время.

– Я подбадривала тебя, – дразняще улыбнулась девушка. – Меня зовут Сайо Фудзимото. Меня бросили настоящие родители, и дядя, директор, в одиночку вырастил меня. Но об этих фактах не знает даже Канаэ.

Теперь я понял, почему она была такой скрытной.

Сайо оказалась воспитана директором, увлечённым образованием, и смогла выуживать новости из него, помогая Канаэ в расследовании. Племянница Соу.

– Я слышала от дяди о семейном происхождении и мыслях одного мальчика из средней школы. Храбреца, который не хотел ни в чём признаваться и продолжал жить. И подбадривала его всё это время, понимаешь? Но не ожидала, что он окажется тем мальчиком, который плакал на фуд-корте.

– Храбреца?

– Не издевайся над собой. Ты осмелился посмотреть в лицо этому миру. Даже сейчас я восхищаюсь твоими усилиями.

Так же, как и на мосту, Сайо обняла меня, но с большей нежностью, и заговорила вновь:

– Этот мир не столь полон отчаяния, как ты думаешь, Таккун. Я люблю тебя, так что больше не говори, что ты отброс.

В её объятиях я не мог пошевелить и пальцем. Моё тело ослабело. В моей жизни никогда раньше не было такого опыта, но почему-то повеяло ностальгией.

В моём сердце что-то разбилось. Хотелось закричать, но не получалось вымолвить ни звука.

Все мои воспоминания, начиная с детства, вспыхивали в голове фейерверком.

Мои родители игнорировали меня. Могли выгнать в любой момент, и тогда я спал на улице, дрожа от холода. Никто не учил меня умываться, не покупал приличную одежду, не забирал из начальной школы. А всякий раз, когда я плакал, слышал в ответ: «Нам не стоило тебя рожать».

Мне всегда говорили, что я отброс. Меня заставляли садиться перед зеркалом и бормотать это. Когда мне исполнилось десять, на меня свалили всю домашнюю работу, и, если делал что-то не так, постоянно били. Сколько раз я хотел убить себя и исчезнуть из этого мира?

Хотел до тех пор, пока однажды один мальчик не сказал мне, будто прочитав мои мысли: «Не исчезай просто так. В мире всё ещё есть люди, которые хотят с тобой познакомиться».

Я выдавил из себя:

– Зачем кому-то любить такого, как я?.. Что за бессмысленное утешение.

– Действительно?

– Да!

В глубине души я желал стереть эту глупую надежду. Но она уже проникла в мой разум настолько, что я больше не мог испытывать отвращение к себе.

Последний поступок Масаи был чрезмерно жесток, но пробудил чувство справедливости у всех в мире. Всё же этот гений не был глупцом.

Ещё он обозвал меня предателем. И звучало так, будто это я нарушил обещание, а Масая сдержал своё. Он всё же не предал наш альянс?

Только один ответ мог разрешить эту загадку - Масая полностью разрушил мою семью и тем самым освободил меня от родителей.

Но разве это возможно?!

– Не такого конца я желал...

В моих воспоминаниях, где меня никогда не любили родители, мои внутренние желания становились опорой жизни.

В классе я целыми днями ни с кем не общался и готов был к тому, что надо мной будут

смеяться, главное, чтобы при этом оставались рядом. Я надеялся, что другие посмотрят на меня, что они сами заговорят со мной. О чём угодно. Я просто хотел быть замеченным и говорить с кем-то на «ты».

– Одного этого было бы достаточно... – произнёс я, и мне стало трудно дышать.

Глаза словно горели, а мышцы дрожали. Через секунду слёзы хлынут потоком, как будто прорвало плотину. И я изо всех сил вцепился в одежду Сайо.

Девушка мило улыбнулась мне и вновь заключила меня в свои объятия.

Чувствуя тепло её тела, я долго плакал.

У истории отброса не может случиться счастливый конец?

Но такое завершение революции, пожалуй, не обязательно является абсолютно плохим финалом. Ведь это оказалась тёплая концовка.

Значит, может быть, я больше не отброс.

В конце этого долгого пути это единственный ответ, который я нахожу.

Так что, несомненно, я смогу обрести счастье.

Послесловие.

Рад встрече. Меня зовут Рёя Мацумура.

Во время написания этого послесловия меня внезапно посетили мои школьные воспоминания. Воспоминания о счастье и горьком опыте прошлого словно пронеслись перед моими глазами. Тогда те, кто умел хорошо говорить, были очень популярны, а те, кто ещё и выработал свой собственный стиль, пользовались популярностью у противоположного пола. Мы были глупыми, я веселился, дурачась с близкими друзьями, и был счастлив, если девушки говорили со мной. Впрочем, я всё же втайне время от времени любовался популярными ребятами и часто делал глупости, затем мучаясь от стыда...

И тут я понял - это ведь похоже на послесловие.

Наверняка другие авторы напишут его лучшими способами - юмористически описывая неожиданные происшествия во время работы или что-то в этом роде. Пока я сомневаюсь, как написать послесловие от себя, популярный автор определённо придумает за это время какого-нибудь остроумного персонажа и привлечёт массу поклонников одними лишь заключением. Это тяжело...

Ну, к счастью, я поумнел после окончания средней школы. По крайней мере, научился льстить другим. И думаю, пришло время благодарностей.

Двум редакторам. Они не давали мне выйти из-под контроля во время редактирования работы, и я действительно не знаю, как выразить всю свою признательность... Хотя всегда размышлял о своих действиях после того, как заканчивал телефонные звонки.

Госпоже Михо Такеока, ответственной за иллюстрации. Сказавшей, что Сайо крутая, милая и страшная. Буду и дальше усердно писать и не омрачать прекрасные работы художницы.

Моим приятелям по общественным наукам и научным исследованиям в колледже. Если бы не они, постоянно критикующие мою работу, эта история точно не была бы опубликована. А также моим друзьям, которые высказывали своё мнение.

И, наконец, читателям, взявшим в руки эту новеллу. Я сделал всё возможное, чтобы написанное доставило вам удовольствие. Если вы сможете потратить 90% своих сил на то, чтобы высмеять главного героя книги, а оставшиеся 10% на то, чтобы полюбить его, я, как автор, буду в восторге. Искренне благодарю вас.

Ах, это не лесть... Это мои истинные мысли.

Рёя Мацумура.

<http://tl.rulate.ru/book/72173/3185747>